Аграрная декларація П. А. Столыпина *).

Програмная рѣчь П. А. Столыпина по аграрному вопросу взволновала, кажется, рѣшительно всѣхъ и, несомнѣнно, мало кого удовлетворила. Недовольные тономъ рѣчи П. А. Столыпина, непохожимъ на тонъ прошлогодняго заявленія г. Горемыкина, недовольные брошеннымъ вскользь замѣчаніемъ о государственномъ соціализмѣ, могутъ быть довольны всѣмъ остальнымъ. Всѣмъ остальнымъ зато не можемъ быть довольны мы, сторонники хотя бы и не «коренной», но сколько-нибудь серьезной земельной реформы.

Прежде всего, если П. А. Столыпинъ хотѣлъ насъ въ чемъ-нибудь убѣдить, то ему слѣдовало нѣсколько больше подумать надъ своею аргументаціею. «Вѣдь и раздача земли при Екатеринѣ Великой оправдывалась необходимостью заселенія незаселенныхъ громадныхъ пространствъ; и тутъ была государственная мысль; точно такъ же право способнаго, право даровитаго создало право собственности на Западѣ». Какъ государственная мысль руководила раздачей земель Екатерининскимъ фаворитамъ: Зубовымъ, Бобринскимъ, Мамоновымъ и прочимъ, ихъ же имена ты, Господи, вѣси?; какъ государственная мысль руководила безумною расточительностью Павла?; какъ право способнаго, право даровитаго, а не простое насиліе, иногда одѣтое въ перчатки юридическихъ фикцій римскаго права, а чаще всего и вовсе ничѣмъ не прикрытое, создало крупную земельную собственность на Западѣ? Если г. Столыпину некогда было навести справокъ въ историческихъ учебникахъ, ему достаточно было просмотрѣть стенограмму перваго изъ «аграрныхъ» засѣданій второй Государственной Думы, прочесть рѣчь праваго депутата, кажется, князя Святополкъ-Мирскаго, вѣдь даже этотъ пламенный защитникъ крупнаго землевладѣнія и его культурной роли долженъ былъ признать, что въ основѣ крупной земельной собственности лежатъ не способности и даровитость, а насиліе и кровь.

Пишущій эти строки—читатель, можетъ быть, это знаетъ—отнюдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто категорически и безусловно отрицаетъ всѣ-

*) Предлагаемая статья написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ аграрной рѣчи Столыпина, до роспуска второй Государственной Думы. *Прим. ред.*

кое хозяйственное значеніе за современнымъ частнымъ землевладѣніемъ и за основаннымъ на немъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Но и въ немъ, не говоря уже о людяхъ радикальнѣе настроенныхъ, не можетъ не вызвать глубочайшаго недоумѣнія и другая серія доводовъ, содержащихся въ рѣчи г. Столыпина. Провести программу к.-д.—это значитъ «не только обездолить 130,000 владѣльцевъ, но и оторвать отъ привычнаго и полезнаго для государства труда»; при всякой болѣе или менѣе радикальной земельной реформѣ «уничтожены будутъ культурныя хозяйства», съ уничтоженіемъ владѣльческаго класса «уничтожены были бы, что тамъ ни говори, очаги культуры». Я понимаю, что можно говорить, и не только понимаю, но самъ не мало говорилъ и писалъ о положительномъ значеніи *извѣстныхъ типовъ* владѣльческаго хозяйства; я понимаю, что можно говорить о *нѣкоторыхъ* культурныхъ очагахъ, въ однихъ районахъ болѣе многочисленныхъ, въ другихъ—рѣдкими оазисами разбросанныхъ среди сплошной пустыни дворянскихъ монрепо; что можно говорить о привычномъ и полезномъ для государства трудѣ *нѣкоторыхъ* владѣльцевъ, которые ведутъ сами добропорядочное хозяйство. Но что за «культурные очаги» г. Столыпинъ нашелъ въ громадномъ большинствѣ дворянскихъ имѣній, какимъ полезнымъ трудомъ занимаются владѣльцы этого громаднаго большинства—всѣ тѣ, кто вѣкъ свой провелъ на теплыхъ водахъ или въ петербургскихъ канцеляріяхъ; всѣ тѣ, чье хозяйство сводится исключительно къ сдачѣ земли въ аренду, къ отработкамъ «за отрѣзки» или вообще «за угодья», вообще—къ болѣе или менѣе явному земельному ростовщичеству; всѣ тѣ, кто обрабатываетъ не землю, а мужика, нуждающагося въ этой землѣ? Мудрый Эдипъ, разрѣши!

И допустимъ, что г. Столыпинъ правъ, что всѣ 130,000 дворянскихъ имѣній—это дѣйствительно культурные очаги, что «трудъ» ихъ владѣльцевъ—это дѣйствительно полезный для государства трудъ. Какой отсюда слѣдовалъ бы непреложный выводъ? Выводъ, конечно, только одинъ,—тотъ самый, который сдѣлалъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко, когда говорилъ въ первой Думѣ о «патріотическомъ долгѣ землевладѣльцевъ»: конечно, патріотическій долгъ землевладѣльцевъ, долгъ ихъ и передъ государствомъ, и передъ самимъ нищающимъ и голодающимъ мужикомъ, былъ бы: не выпускать изъ своихъ рукъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ, ни одной десятины земли; а долгъ, патріотическій долгъ правительства—если не безусловно запретить всякую продажу, то, по крайней мѣрѣ, всемѣрно затруднить ее и ужъ во всякомъ случаѣ—не дѣлать, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ, ничего для ея облегченія. А между тѣмъ—увы!—«крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями», а г. Столыпинъ не только не видитъ въ этомъ ничего опаснаго для «культурныхъ очаговъ», не только не принимаетъ никакихъ мѣръ къ пріостановкѣ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія; напротивъ, на этой ликвидаціи онъ строитъ всю свою политику и, во имя государственнаго соціализма, онъ предлагаетъ принять на государственный счетъ значительную

часть расходовъ по этой ликвидаціи. Что же, развѣ этимъ способомъ сохранятся культурные очаги, развѣ такимъ путемъ гг. дворяне будутъ прикрѣплены къ полезному для государства труду? Ничего подобнаго—этимъ способомъ будетъ достигнуто только одно: господа дворяне получатъ больше—о, *гораздо* больше, чѣмъ получили бы при обязательномъ отчужденіи по справедливой оцѣнкѣ. Значитъ, все дѣло сводится не къ культурнымъ очагамъ, не къ полезному для государства труду владѣльцевъ этихъ очаговъ, а *только* и *исключительно* къ одному: не «обездолить» 130,000 владѣльцевъ, дать имъ побольше получить за земли, отъ которыхъ они теперь и сами были бы не прочь отдѣлаться. Я не знаю, причемъ тутъ полезный трудъ, культурные очаги, причемъ тутъ государственный соціализмъ, я знаю только одно: что правительство не спасетъ землевладѣльческій классъ отъ обездоленія, тогда какъ своевременно проведенная аграрная реформа, хотя бы очень умѣренная, вѣроятно, надолго удовлетворила бы народныя массы, и въ то же время могла бы быть проведена на безобидныхъ и для «культурныхъ очаговъ», и для владѣльческаго класса основаніяхъ.

Наконецъ, еще одинъ рядъ аргументовъ въ рѣчи П. А. Столыпина, къ сожалѣнію, слишкомъ близко напоминаетъ демагогическіе аргументы того же В. І. Гурко: «разъ будетъ признанъ принципъ отчуждаемости, то кто же повѣритъ тому, что, разъ понадобится современемъ отчудить землю крестьянъ, она не будетъ отчуждена?» Что будетъ *современемъ* — этого, я думаю, никому не дано предвидѣть, можетъ быть, будетъ націонализація, можетъ быть, — соціализація или муниципализація, можетъ быть, просто разовьется мелкая крестьянская земельная собственность и на почвѣ ея создастся сельская земельная буржуазія, можетъ быть, будетъ еще что-нибудь такое, о чемъ теперь никто и не думаетъ и не мечтаетъ. Но въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнія можно съ увѣренностью утверждать, утверждать и противъ г. Столыпина, и противъ тѣхъ, кто вѣритъ во всеспасающую силу красивыхъ лозунговъ и формулъ: нѣтъ, земля крестьянъ *не будетъ* отчуждена, потому что никакое народное представительство, пока люди тѣ же, каковы они теперь, не посмѣетъ наложить руку на трудовое крестьянское землевладѣніе.

Въ одномъ г. Столыпинъ, конечно, правъ, когда онъ совѣтуетъ «не видѣть въ этомъ средствѣ (принудительномъ отчужденіи) какую-то панацею противъ всѣхъ бѣдъ». Конечно, *на одномъ* принудительномъ отчужденіи далеко не уѣдешь; конечно, для того, чтобы поднять благосостояніе крестьянъ, нужна долгая и трудная государственная и общественная работа, нужны десятилѣтія политической свободы, десятилѣтія широкой культурной и экономической политики. Но развѣ кто-нибудь видитъ въ принудительномъ отчужденіи *панацею?* Я уже не буду говорить о насъ, дѣятеляхъ партіи народной свободы; но пусть г. Столыпинъ возобновитъ въ своей памяти хотя бы рѣчь Аладьина въ первой Государственной Думѣ, рѣчь, въ которой какъ нельзя яснѣе подчеркнута невозможность смотрѣть

на принудительное отчужденіе, какъ на панацею. Правда, о принудительномъ отчужденіи въ Думѣ говорятъ, о культурѣ не говорятъ и, къ сожалѣнію, многіе не желаютъ говорить. Но это, прежде всего, потому, что принудительное отчужденіе, не будучи панацеей, является вопросомъ ближайшей очереди, потому, что культуры нельзя декретировать закономъ, а принудительное отчужденіе можно, потому, что для значительной части нашего крестьянства расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—необходимая предпосылка всякаго культурнаго подъема. А если, я повторяю, къ сожалѣнію, многіе не хотятъ слушать разговоровъ о культурѣ, если въ частности въ депутатахъ-крестьянахъ, самое упоминаніе о культурѣ, объ улучшеніи хозяйства и т. п., возбуждаетъ нескрываемое раздраженіе, то не падаетъ ли значительная доля вины въ этомъ на тѣхъ, кто разговорами о культурѣ думаетъ подмѣнить то, что крестьянамъ если не нужнѣе всего, то во всякомъ случаѣ, яснѣе и насущнѣе всего, подмѣнить расширеніе крестьянскаго землевладѣнія; тѣ, для кого разговоры о культурѣ лишь громоотводъ противъ принудительнаго отчужденія?

Что же положительнаго предлагаетъ намъ П. А. Столыпинъ въ своей программной рѣчи? Увы! — рѣшительно ничего или, точнѣе говоря, все то же, что предлагали его предмѣстникъ на креслѣ предсѣдателя совѣта министровъ, И. Л. Горемыкинъ, и сотрудники послѣдняго гг. Стишинскій и Гурко: переселеніе, крестьянскій банкъ, освобожденіе трудолюбиваго крестьянина отъ «тисковъ»—читай отъ общиннаго гнета, качественное улучшеніе крестьянскаго землевладѣнія—уничтоженіе чрезполосицы и т. п. Г. Столыпинъ допускаетъ принудительное отчужденіе въ видѣ исключенія, впрочемъ, «не количественнаго характера, а только качественнаго»; иначе сказать, въ цѣляхъ не расширенія крестьянскаго землевладѣнія, а улучшенія его—для избавленія отъ вредной черезполосицы и т. п. И въ этомъ нѣкоторые, повидимому, склонны видѣть нѣкоторый шагъ впередъ, нѣкоторую уступку общественному мнѣнію. Замѣчу тутъ же, что въ этомъ никакого шага впередъ и никакой уступки нѣтъ. Правда, гг. Горемыкинъ и его сотрудники не упоминали о «качественномъ» отчужденіи въ своихъ думскихъ рѣчахъ. Но въ готовившихся ими законопроектахъ оно предусматривалось, и мнѣ лично пришлось слышать изъ устъ г. Гурко, явившагося въ качествѣ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ «проваливать» кутлеровскій проектъ, категорическое заявленіе, что принудительное отчужденіе, собственно въ *этихъ* цѣляхъ, можетъ быть допущено безъ колебанія священнѣйшаго изъ правъ—права собственности. Почему тутъ можетъ, а тамъ не можетъ, это, конечно, секретъ г. Гурко и его единомышленниковъ.

Итакъ, по части расширенія крестьянскаго землевладѣнія предлагаются переселеніе и, въ особенности крестьянскій банкъ. Я не буду останавливаться на переселеніи—увы!—теперь уже близокъ день, когда г. Столыпинъ и въ особенности тѣ изъ его сотрудниковъ, которымъ это дѣло надлежало вѣдать, поймутъ, какой тяжелый грѣхъ они взяли на душу, искусственно

раздувая переселеніе, при полномъ отсутствіи возможности устраивать переселенцевъ; «рекламируя» и «пропагандируя» переселеніе, когда они не могли не знать, что имъ неизбѣжно придется очень скоро пріостанавливать переселеніе и считаться съ тяжелыми послѣдствіями своей рекламы и своей пропаганды. Но крестьянскій банкъ... Крестьянскій банкъ—это значитъ скупка земель по добровольному соглашенію съ землевладѣльцами. Прежде всего, какъ эта скупка отразится на земельныхъ цѣнахъ. По мнѣнію г. Столыпина, «при массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возросли бы». По этому поводу можно сказать только одно: блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ. Но на чемъ основывается такая увѣренность? Конечно, не на предшествующемъ опытѣ, ибо слишкомъ хорошо извѣстно, что за все время дѣятельности банка покупныя цѣны не переставали возрастать; что, въ частности, за время съ 1895 г. онѣ возросли, въ среднемъ, приблизительно въ два съ половиной раза, и что усиленное предложеніе, имѣвшее мѣсто въ 1906 году, сопровождалось не только не паденіемъ, а новымъ повышеніемъ цѣнъ. Г. Столыпинъ возлагаетъ большія надежды на это усиленное предложеніе. Онъ забываетъ, что этому предложенію будетъ противустоять усиленный спросъ; онъ забываетъ, что разъ будетъ до безпредѣльности расширена операція скупки земель крестьянскимъ банкомъ, то для владѣльцевъ исчезнетъ всякая необходимость спѣшить съ предложеніемъ: къ чему торопиться, когда все равно банкъ купитъ землю—отчего не выждать и не выдержать хорошенькую цѣну?—а банкъ, при благосклонномъ содѣйствіи землеустроительныхъ коммиссій, конечно, не такъ ужъ будетъ заботиться о пониженіи цѣнъ.

Впрочемъ, это все слишкомъ очевидно,—очевидно для всякаго, кто не обязанъ, по долгу службы, возражать противъ принудительнаго отчужденія. Не менѣе важна однако другая сторона дѣла. Скупка предлагаемыхъ къ продажѣ земель; значитъ, скупаться будутъ тѣ земли, которыя владѣльцы желаютъ продать, и не будутъ скупаться тѣ, по отношенію къ которымъ владѣльцами не будетъ изъявлено такого желанія. Между тѣмъ, вопросъ объ отчужденіи владѣльческихъ земель можно разсматривать съ двоякой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ крестьянъ, нуждающихся въ расширеніи своего землевладѣнія, и съ точки зрѣнія интересовъ сельско-хозяйственной культуры, производительности страны и т. п., требующихъ сохраненія извѣстной доли владѣльческихъ хозяйствъ. Даетъ ли «добровольное соглашеніе» какія-нибудь гарантіи въ томъ или въ другомъ направленіи? Увы!—ни малѣйшихъ. Продавать земли—разъ это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія—будетъ либо тотъ, кому онѣ даютъ мало дохода, либо тотъ, кому надоѣло жить, какъ въ осажденной крѣпости, подъ постояннымъ рискомъ забастовокъ, разгромовъ, поджоговъ и т. п.; воздержится отъ продажи тотъ, кому земля даетъ очень хорошіе доходы и кто имѣетъ способъ уберечься отъ послѣдствій забастовокъ и разгромовъ. Очевидно, что то и другое условіе не имѣетъ никакого отношенія или,

пожалуй, обратное отношеніе къ тѣмъ основнымъ точкамъ зрѣнія, которыя должны имѣться въ виду при образованіи и распредѣленіи земельнаго фонда. Доходы, получаемые владѣльцами?... но они обусловливаются, главнымъ образомъ, именно степенью земельной нужды сосѣдей-крестьянъ; значитъ, въ руки крестьянскаго банка, при скупкѣ по соглашенію, не попадутъ именно тѣ земли, въ которыхъ сосѣднее населеніе испытываетъ, можетъ быть, наиболѣе острую земельную нужду. Давленіе, оказываемое населеніемъ при посредствѣ погромовъ и забастовокъ?... Но вѣдь въ такомъ случаѣ появленіе тѣхъ и другихъ будетъ однимъ изъ наиважнѣйшихъ моментовъ ускоренія ликвидаціи частнаго землевладѣнія; ставить послѣднюю въ зависимость отъ «соглашенія»—это значитъ вызывать населеніе на тѣ насилія, о которыхъ съ такимъ справедливымъ ужасомъ говоритъ г. Столыпинъ. И можно ли при этомъ думать, что интенсивность такъ называемаго аграрнаго движенія явится гарантіей того, что распроданныя подъ ихъ давленіемъ земли попадутъ въ руки тѣхъ, кто наиболѣе въ нихъ нуждается? Очевидно, нѣтъ—интенсивность аграрнаго движенія лишь крайне слабо связана съ интенсивностью земельной нужды. Можно ли думать, что аграрное движеніе пощадитъ тѣ хозяйства, которыя, въ интересахъ страны, заслуживали бы сохраненія? Очевидно, тоже нѣтъ; не даромъ краса и гордость русской агрономіи, Ив. Ал. Стебутъ, при первомъ же «давленіи» со стороны сосѣднихъ крестьянъ тотчасъ же ликвидировалъ свое хозяйство.

Такъ или иначе, скупка земель по добровольному соглашенію не гарантируетъ рѣшительно ничего, что должна имѣть въ виду земельная реформа: ни умѣренныхъ земельныхъ цѣнъ, ни отчужденія земель тамъ, гдѣ это необходимо въ интересахъ населенія, ни сохраненія владѣльческихъ хозяйствъ, гдѣ это нужно въ интересахъ страны и того же населенія. Все это можетъ быть достигнуто *только* при планомѣрно-проведенномъ принудительномъ отчужденіи.

Г. Столыпинъ—я сказалъ—совершенно правъ, когда совѣтуетъ не видѣть въ принудительномъ отчужденіи панацеи. Къ сожалѣнію, у него самого имѣется панацея, помощью которой онъ надѣется все поправить и всему помочь. Эта панацея формулируется имъ въ словахъ: «нужно снять тѣ оковы, которыя наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тотъ способъ пользованія землей, который наиболѣе его устраиваетъ»; это необходимо, чтобы «дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, этой соли земли русской, освободиться отъ тисковъ», чтобы «дать ему возможность укрѣпить за собою плоды трудовъ своихъ и предоставить въ неотъемлемую собственность». Я думаю, что предсѣдатель совѣта министровъ до послѣдней крайности преувеличиваетъ значеніе вообще даннаго вопроса. Если обстоятельства сложатся такъ, что существующіе «тиски» (читай: община) окажутся существеннымъ препятствіемъ къ уже назрѣвшимъ хозяйственнымъ улучшеніемъ, то жизнь сумѣетъ сломать эти тиски; порукою этому служитъ вся исторія формъ землевладѣнія и землепользованія, свидѣтельствующая о томъ, что формы эти всегда

развивались и преобразовывались въ соотвѣтствіи съ измѣнявшимися хозяйственными условіями; порукою этому служитъ хотя бы фактъ быстраго распространенія хуторского разселенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго края, — распространенія, происходившаго безъ всякаго содѣйствія правительственной власти и, повидимому, несмотря на противодѣйствіе ея мѣстныхъ органовъ, подъ давленіемъ одной только чисто-хозяйственной необходимости. Пока, напротивъ, хозяйственныя улучшенія не назрѣли, снимайте и ломайте сколько угодно тисковъ, и рѣшительно ничего отъ этого не измѣнится. Повторяю, предсѣдатель совѣта министровъ до послѣдней крайности преувеличиваетъ значеніе вопроса о формахъ землепользованія. Но по существу я не имѣю ничего возразить противъ приведенныхъ выше положеній: конечно, надо дать крестьянству возможность избрать тотъ способъ пользованія, который его устраиваетъ, надо,—какъ говоритъ г. Столыпинъ въ другомъ мѣстѣ,—поставить дѣло такъ, чтобы «собственность была общая, гдѣ община еще не отжила, чтобы она была подворною, гдѣ община уже нежизненна». Г. Столыпинъ не дѣлаетъ конкретнаго практическаго вывода изъ этихъ положеній, но этотъ выводъ достаточно ясенъ и, къ сожалѣнію, непріемлемъ: выводъ, конечно, тотъ, что Дума должна утвердить указъ 9 ноября, такъ неудачно разрѣшившій вопросъ о «снятіи путъ» и о «разрушеніи тисковъ». Въ дѣйствительности, если изъ совершенно основательныхъ положеній, провозглашенныхъ въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ, слѣдуетъ какой-либо выводъ, то діаметрально противоположный: надо скорѣе отмѣнить указъ 9 ноября въ части его, касающейся выхода изъ общины: въ этомъ сходятся со сторонниками послѣдней такіе ея рѣшительные противники, какъ, напримѣръ, князь Е. Н. Трубецкой. Да, *надо* предоставить крестьянамъ самимъ разрѣшать вопросъ о формѣ землепользованія, но *нельзя* предоставить каждому отдѣльному домохозяину навязывать всѣмъ выгодное для него одного рѣшеніе; да, собственность *должна* быть общая, гдѣ община еще не отжила, но, въ такомъ случаѣ, *нельзя* предоставить каждому желающему рвать куски изъ этой собственности; да, собственность *должна* стать подворною, гдѣ община уже нежизненна,—но только *сама община,* а не первый попавшійся изъ ея членовъ, компетентна признать, жизненна она или нѣтъ. Пожалуй, надо дать «соли земли» возможность укрѣпить за собой плоды своихъ трудовъ, но право выдѣла изъ общины земли, только что доставшейся по послѣднему передѣлу, а тѣмъ болѣе—избыточной земли, остающейся въ рукахъ даннаго домохозяина, не имѣетъ ничего общаго съ «укрѣпленіемъ трудовъ», и правомъ выдѣла по указу 9 ноября воспользуется, въ видѣ правила, не «соль земли», а накипь на поверхности народной жизни. Вопросъ о судьбѣ общиннаго землевладѣнія долженъ быть разрѣшаемъ въ каждомъ данномъ случаѣ планомѣрно и цѣлесообразно, а не подъ случайнымъ давленіемъ своекорыстныхъ владѣльческихъ интересовъ.

Вотъ, кажется, все существенное, что можно сказать по поводу рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ. Рѣчи этой нельзя отказать въ талантли-

вости. Тонъ этой рѣчи,—и сказалъ,—скорѣе примирительный, чѣмъ аггрессивный. Но, къ сожалѣнію, рѣчь П. А. Столыпина не перекидываетъ никакого мостика между правительствомъ и народными представителями. Такимъ мостикомъ можетъ быть несомнѣнно *только* признаніе принципа принудительнаго отчужденія. Г. Столыпинъ подробно, съ цифрами въ рукахъ, стремится доказать, что раздѣленіемъ, путемъ принудительнаго отчужденія, частновладѣльческихъ земель земельный вопросъ не разрѣшится, «это,—говоритъ онъ,—равносильно наложенію пластыря на засоренную рану». Да, *этимъ однимъ* земельный вопросъ несомнѣнно не разрѣшится. Но столь же несомнѣнно, что онъ не разрѣшится *и безъ этого*: принудительное отчужденіе—необходимая предпосылка для всего, что можетъ быть сдѣлано въ направленіи къ разрѣшенію земельнаго вопроса. А метафора, употребленная предсѣдателемъ совѣта министровъ, требуетъ нѣкотораго исправленія: планомѣрное расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, достижимое единственно на почвѣ принудительнаго отчужденія—это не пластырь, подъ которымъ будетъ продолжать гноиться засоренная рана; это перевязка, подъ которою должно идти заживленіе раны. Чтобы рана не гноилась, ее надо промывать и очищать, чтобы больной поправился, весь его организмъ надо укрѣплять всѣми возможными способами; но не наложите перевязки—и больной истечетъ кровью, прежде чѣмъ всѣ прочія, можетъ быть великолѣпнѣйшія средства, успѣютъ оказать какое-либо воздѣйствіе.

А. Кауфманъ.